

Французский позитивизмъ.

(Тэнъ, Рибо, Поланъ, Фуллье, Гюйо, Тарль).

Чистый позитивизмъ и смѣшанный съ метафизикой, или полупозитивизмъ. Вышеназванныя мною имена принадлежать наиболѣе выдающимся современнымъ французскимъ позитивистамъ, которыхъ можно, по - моему, подраздѣлить на *deux* группы. Трое первыхъ представляютъ, съ одной стороны, въ наибольшей чистотѣ тѣ общія свойства позитивизма, на которыхъ я указалъ въ статьѣ о Контѣ *), а съ другой—они настолько близки къ послѣднему по духу и основнымъ понятіямъ, что для характеристики ихъ весьма полезно сравнивать въ томъ или другомъ отношеніи съ Контомъ. Отличіе же ихъ отъ Кonta и другъ отъ друга не принципіальное, а состоить въ частныхъ и индивидуальныхъ особенностяхъ, зависящихъ отъ таланта, эрудиціи, условій среды и времени, когда они выступили въ общественную дѣятельность и т. п. **).

*) См. 15-ю книгу журн. Вопр. Фил. и Псих., стр. 55—58.

**) Такъ, напр., Тэнъ или Рибо, не уступающіе Конту въ умственныхъ силахъ и разносторонности эрудиціи, превосходятъ его ея обширностью и точностью, что отчасти объясняется и разницей во времени ихъ дѣятельности, такъ какъ старѣйшій изъ нихъ, Тэнъ, родился 30-ю годами позже Кonta. Далѣе, Тэнъ и Рибо имѣютъ передъ нимъ большое преимущество въ хорошемъ знакомствѣ съ нѣмецкой философіей и литературой. Точно также вообще историческая эрудиція Тэна несравненно обширнѣе и точнѣе, чѣмъ Кonta. Но у послѣдняго эти недочеты какъ бы покрываются тѣмъ, что, въ силу энергіи его религіозно-соціальныхъ убѣждений, онъ имѣеть большее зна-

Что касается до Фуллье, Гюйо и Тарда, то они *существенно* отличаются отъ Конта и представителей первой группы тѣмъ, что не только не отрицаютъ принципиально философской метафизики вообще, но вносятъ ее и въ свою собственную философию. Однако нельзя не замѣтить, что они дѣлаютъ это, какъ бы смущаясь и извиняясь тѣмъ, что имъ, какъ и всѣмъ людямъ, невозможно совсѣмъ обойтись безъ метафизики, хотя она и не имѣетъ такихъ полныхъ правъ гражданства въ области знанія, какимъ пользуется наука. Вслѣдствіе этого они особенно подчеркиваютъ, что ихъ философская метафизика „основана на опыте“, подкрепляется научнымъ знаніемъ, не противорѣчитъ ему, а напротивъ дополняетъ его пробѣлы. Эта *новая, дополняющая науку, метафизика*, подобно поэзіи, *необходима для высшихъ потребностей жизни* и, главное, для „нравственной жизни“. По мнѣнію представителей новой „научной метафизики“, она не налагаетъ на умъ и совѣсть человѣка никакихъ новыхъ и излишнихъ „санкцій и обязанностей“ и „метафизическими гипотезами“ только продолжаетъ и завершаетъ науку тамъ, где „прекращается строгое научное знаніе“, и этимъ только расширяетъ свободу человѣка.*)

ченіе, какъ общественный дѣятель. Весьма возможно, что его имя будетъ пользоваться популярностью и вліяніемъ у послѣдователей религіи человѣчества еще тогда, когда уже имена и труды Тэна и Рибо будутъ въ памяти только ученыхъ специалистовъ. Поланъ весьма дѣльный и энергичный работникъ въ томъ же чисто позитивистическомъ направлѣніи, но уступающій Тэну и Рибо въ талантѣ.

*) Вся эта характеристика новой метафизики выражена весьма соблазнительно и можетъ внушить кому-либо мысль, что отнынѣ, благодаря второй группѣ представителей французского позитивизма, устраниены и слажены всѣ недоразумѣнія между метафизикой и тѣмъ называемою положительно, опытною наукой, но я счелъ бы такую мысль ошибкою. По-моему, метафизика всегда была наукой или знаніемъ, а потому никогда и не нуждалась въ соглашеніи съ наукой. Значитъ, вся вѣковая борьба между тѣмъ, что называется метафизикою, и тѣмъ, что называется наукой, зависѣла только отъ недоразумѣній и путаницы въ понятіяхъ: „наука, опытъ, опытная наука, специальная наука“ и т. п. Если же метафизика не наука, а сбродъ пустыхъ мнѣній или фантазій, то и въ этомъ случаѣ соглашеніе метафизики съ наукой было бы пустымъ, бесплоднымъ занятіемъ.

кого существенного отличія этой группы французскихъ позитивистовъ отъ предыдущей, по моему, слѣдуетъ отличить ее особымъ именемъ, для чего я избираю терминъ *полупозитивизма* *).

Въ послѣдующемъ я, конечно, не имѣю въ виду обстоятельной и всесторонней оцѣнки каждого изъ названныхъ дѣятелей: для этого я долженъ быть бы выйти далеко за предѣлы *моей задачи*, состоящей въ краткой характеристицѣ современныхъ философскихъ направлений, въ основаніе которой я беру важнѣйшія отдѣльныя понятія, или положенія того или другого представителя цѣлаго направленія.

Тэнъ **), какъ самый выдающійся во Франціи представитель чистаго позитивизма. Значеніе и почетъ, которымъ пользуется имя Тэна не только во Франціи, но и за-границей, и въ области философской, и вообще ученой дѣятельности, вполнѣ и справедливо заслужены. Не говоря уже объ огромной эрудиціи и умственной силѣ Тэна, онъ въ высокой степени обладалъ искреннею любовью къ истинѣ, стойкостью въ убѣжденіяхъ, независимостью въ образѣ мыслей и свободою отъ предразсудковъ и условныхъ формъ, господствовавшихъ среди современныхъ ему учено-литературныхъ кружковъ во Франціи. Рѣдко также, кто

*) Употребляя этотъ терминъ, я не думаю, во что бы то ни стало, *настанивать* на немъ, какъ на самомъ цѣлесообразномъ, и охотно согласился бы на всякой другой, которымъ удобнѣе обозначалось бы отличіе полупозитивизма отъ *чистаго* позитивизма.

**) Хотя умершій въ нынѣшнемъ году Тэнъ (1828—1893) уже вступилъ въ возрастъ такъ называемой первой старости, но еще далеко не исчерпалъ своихъ большихъ умственныхъ силъ, а потому его смерть представляетъ большую потерю для науки. Относительно всего, касающагося въ этой статьѣ до Тэна, я пользовался главными его философскими сочиненіями, каковы „Les philosophes classiques du XIX siècle“, „De l'intelligence“ (5-е изданіе); а также и его „Histoire de la littérature anglaise“ и другими. Что касается до знакомыхъ мнѣ сочиненій о Тэнѣ, то могу указать на слѣдующія статьи: Рибо въ „Revue philosophique“ во 2-мъ томѣ 1877 года; статья Оммэ во 2-мъ томѣ „Revue philosophique“ 1887 года; и затѣмъ Бурже въ сочиненіи „Essais de psychologie contemporaine“. На русскомъ языкѣ могу указать на основательную статью проф. Герье въ Вѣст. Евр. 1890 г., где Тэнъ характеризуется преимущественно какъ историкъ.

могъ бы поравняться съ нимъ въ *настойчивости и основательности*, съ которыми онъ, стремясь къ полной обосновкѣ и законченному выражению своей мысли, вель всякое предпринимаемое имъ изслѣдованіе. Наконецъ, серьезность и цѣльность мысли соединялись у него съ художественной образностью и картинностью ея выраженія, такъ что онъ является однимъ изъ самыхъ элегантныхъ писателей и блестящихъ стилистовъ нашего времени. Поэтому, когда я въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ оспариваю какія-либо ошибочныя стороны его философіи, то считаю, что онѣ зависѣли не отъ личныхъ свойствъ его ума, а отъ тѣхъ условій и обстоятельствъ времени, которыя неизбѣжно должны были толкнуть его на путь позитивистического философскаго направлениія, которому существенно свойственны эти стороны. Напротивъ, на сколько это могло зависѣть отъ личныхъ свойствъ Тэна, онъ сдѣлалъ все возможное для того, чтобы поставить это направлениe въ наилучшемъ свѣтѣ.

Происхожденіе философіи Тэна. Весьма часто на философію Тэна смотрѣли односторонне и невѣрно судили объ ея источникахъ. Такъ иные видятъ въ ней только воспроизведеніе во Франціи англійской философіи Юма, Д. С. Милля, Бэна и проч. Конечно, и Тэна должно назвать послѣдователемъ Юма въ томъ смыслѣ, что этотъ послѣдній есть какъ бы общій родоначальникъ европейскаго позитивизма вообще, но Тэнъ вовсе не скептикъ, какимъ несомнѣнно былъ Юмъ. Напротивъ, по основной природѣ своего ума, Тэнъ имѣлъ инстинктивную склонность къ *абсолютной метафизикѣ* и если, по его выраженію, онъ и остановился «на ея порогѣ», то это можно разсматривать только какъ жертву его основному убѣждѣнію, что научное знаеніе можетъ состоять только изъ опытныхъ фактовъ и ихъ законовъ. Онъ, однако, признавалъ себя ученикомъ Аристотеля, Спинозы, и особенно Гегеля!

Точно также никакъ нельзя считать Тэна только послѣдователемъ Д. С. Милля, который представляетъ собою не болѣе какъ *второе, исправленное и дополненное, изданіе*

Юма. Тэнъ находитъ эмпиризмъ, или феноменизмъ Милля узкимъ, потому что у него міръ разрывается на отдельные клочки, не связанные никакой всеобъемлющою *необходимостью*, причинной или же логической, безъ чего немыслима наука, какъ понимаетъ ее Тэнъ. Хотя онъ много пользуется трудами Милля и вообще англійскихъ психологовъ (наприм., Бэна въ характеристикѣ и классификаціи ощущений), но тѣмъ не менѣе, онъ вовсе не приверженецъ *шотландской описательной психологіи*, а также и не провозглашаетъ, подобно англичанамъ (Юму, Бэну, Миллю и проч.), *механическую ассоціацію* идей главнымъ рычагомъ для объясненія происхожденія познаній, хотя въ тѣхъ психологическихъ теоріяхъ, которая имъ цѣликомъ заимствованы у этихъ психологовъ, она (*implicite*) принимается и Тэномъ. Далѣе онъ не раздѣляетъ возврѣній Милля, по которому связь между причиной и слѣдствіемъ состоить только въ одной постоянной, но все-таки не необходимой, послѣдовательности ихъ во времени. Для него причина и слѣдствіе связаны *не случайно*, а неразрывно: одно заключается въ другой. Отсюда и будущій фактъ или событіе уже содержится въ настоящемъ фактѣ или событіи. Только съ этой точки зрѣнія, по Тэну, можно видѣть въ причинности принципъ, объясняющій міръ *).

Еще болѣе ложно и односторонне мнѣніе, что будто бы философія Тэна возникла подъ вліяніемъ сенсуализма Кондильяка, хотя и нельзя совсѣмъ отрицать этого вліянія, что сказалось, наприм., и въ его сочиненіи: *Philosophie fran aise du XIX si cle*, гдѣ онъ съ сочувствіемъ противопоставляетъ Ларомигье, послѣдователя Кондильяка, опровергаемымъ имъ представителямъ офиціальной философіи, наприм. Ройе-Коллару, Жуффруа, Кузену и проч. Вообще Кондильякъ

*). Для меня въ этомъ пунктѣ Тэнъ, конечно, *правъ сравнительно* съ Миллемъ, ибо вступаетъ на болѣе вѣрную почву метафизического направленія, но за то Тэнъ *совсѣмъ не правъ* передъ своею же позитивистическою точкою зрѣнія, а Милль, напротивъ, послѣдователенъ. Конечно, недоразумѣніе и не-послѣдовательность Тэна въ этомъ случаѣ коренится только въ недостаточно ясныхъ понятіяхъ, которая онъ соединяетъ съ терминами: фактъ, явленіе, событіе, опытъ, субстанція, наука, метафизика и т. под.

сроденъ Тэну, по любви къ систематичности, и былъ ему симпатиченъ по ясности въ изложениі мысли.

Тэнъ настолько самостоятельный мыслитель, что ошибочно видѣть въ немъ только чьего-нибудь послѣдователя. Гораздо вѣрнѣе и справедливѣе будетъ, если мы признаемъ въ немъ замѣчательного представителя во Франціи того современного намъ направлениія психологіи, которое особенно прочно установилось въ настоящее время въ Германіи подъ именемъ психологіи физіологической, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности Вундта. Впрочемъ, это направлениe уже издавна, начиная еще съ Декарта, имѣло почву и во Франціи. Разница только въ томъ, что у Декарта всѣ психическія явленія, исключая мыслей, имѣли причинами движения животныхъ духовъ (*les esprits animaux*), а въ современной физіологической психологіи основою психическихъ явленій считаются движения молекулъ мозга. Вообще Тэнъ въ своей „*L'intelligence*“ чрезвычайно широко пользуется физіологическими данными, заимствованными у извѣстныхъ учёныхъ, для объясненія и обосновки своего психологического ученія *).

*) По-моему, для Тэна совершенно не оставалось никакого другого пути, какъ, съ одной стороны, удержавши некоторые элементы изъ сенсуализма Кондильяка, всецѣло примкнуть къ англійскому эмпіризму и феноменизму и затѣмъ, какъ бы воскрешая традиціи Декарта, выступить на болѣе самостоятельную дорогу физіологической психологіи. Несмотря на его метафизические инстинкты и сочувствіе къ Гегелю, Тэнъ уже не могъ вступить на путь идеалистической германской философіи, потому что въ 50—60 годахъ она уже почти потеряла свой кредитъ даже въ Германіи, где замѣнилась довольно грубымъ материализмомъ, несостоятельность котораго, конечно, была ясна для Тэна. Что же касается до современного Тэну официального спиритуализма и эклектизма Кузена и его школы, то уже одинъ компромиссъ этой школы съ католическою церковью не допустилъ бы независимаго Тэна стать въ ея ряды. Но главное, что было невыносимо для него въ этой школѣ,—это трескучій ораторскій паѳосъ, которымъ ея представители прикрывали слабую обосновку и рутинность доказательствъ въ пользу основныхъ началъ ихъ философіи. Не менѣе ораторской реторики претило Тэну и пристрастіе школы Кузена къ общимъ, абстрактнымъ разсужденіямъ, которыми замѣнялись доказательства, основанныя на твердо установленныхъ экспериментахъ и фактахъ, въ которыхъ Тэнъ видѣлъ единственный путь къ пріобрѣтенію истиннаго знанія. Что же касается до ультрамонтанской реакціонной философіи Де-

Сравненіе Тэна съ Контомъ. Теперь не безполезно будетъ сравнить Тэна съ Контомъ и изъ этого сравненія выйти къ разсмотрѣнію двухъ основныхъ *пунктовъ* позитивизма Тэна. Съ первого взгляда разница между ними можетъ показаться очень большою: у Тэна не встрѣтишь тѣхъ прямолинейностей и наивностей, съ которыми мы ознакомились у Конта. Тэнъ, наприм., не отрицаетъ „на анатомическихъ основаніяхъ“ ни психологіи, ни теоріи познанія; его „L'intelligence“ заключаетъ въ себѣ *объ* эти философскія дисциплины. Точно также имъ не отрицается и логика съ ея законами, подъ тѣмъ предлогомъ, что она будто бы уже содержится въ наукахъ. Тэнъ не видитъ въ пространствѣ какого-то „отпечатка“ или не дѣлаетъ заключенія о преобладаніи въ человѣкѣ альтруистическихъ инстинктовъ надъ эгоистическими, потому что органы первыхъ въ мозгу многочисленнѣе органовъ вторыхъ. Но если сравнивать обоихъ позитивистовъ поглубже, то окажется, что они сходятся въ самомъ существенномъ; и сходство это объясняется не ихъ личными особенностями, а *свойствами позитивизма*, какъ философскаго направленія. Тэнъ, хотя и не относится, подобно Конту, къ слову „метафизика“ такъ, какъ купчиха Островскаго къ слову „жупель“, но отрицаетъ ее съ не менѣею энергией. Но, къ сожалѣнію, подобно Конту, и онъ не даетъ методически строгаго и точнаго *определенія* термина: „метафизика“ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ

Местра, Бональда и т. под., то о сближеніи съ нею для Тэна и рѣчи не могло быть. Примкнуть же просто къ Конту, какъ это, наприм., сдѣлалъ Литтре, Тэну не позволяли умственная его самостоятельность и въ сущности консервативная его натура, чуждая сантиментальности и какихъ бы то ни было утопій.

*) Такъ какъ поводомъ къ борьбѣ Тэна съ метафизикой послужила философія Кузена и другихъ французскихъ спиритуалистовъ, то это обстоятельство положило нѣкоторыя черты односторонности не только на отрицательныя воззрѣнія Тэна, но и на положительнага, которая онъ противопоставляетъ метафизикѣ. Нельзя не пожалѣть, что Тэнъ не имѣлъ въ виду системъ метафизики вообще (въ индусской, греческой, нѣмецкой философіи); тогда, по-моему, и самыя позитивистическая его воззрѣнія были бы, можетъ-быть, шире, какъ, наприм., у нѣкоторыхъ современныхъ нѣмецкихъ позитивистовъ,

не находимъ мы у него опредѣленій какъ для противополагаемыхъ позитивистами метафизикѣ терминовъ: знаніе, наука,—такъ и для тѣсно связанныхъ съ ними понятій: истина, критерій истины и т. под. Повидимому, все это предполагается общеизвѣстнымъ и для всякаго яснымъ. Если же изъ многочисленныхъ мѣстъ у Тэна и можно заключить, что науки, знаніе и истина касаются того, что „существуетъ само по себѣ“ или „что реально“, а что метафизика трактуетъ обѣ *entités*, „которыя не существуютъ“, то опять-таки мы не имѣемъ строгаго опредѣленія понятій: бытіе или существованіе *), реальность,—такъ что приходится до нѣкоторой степени догадываться окольнымъ путемъ, что онъ разумѣеть подъ этими понятіями.

Вступая на этотъ путь, мы сперва отмѣтимъ, что Тэнъ отличаетъ между метафизическими „*entités*“ — схоластической, которая, по его мнѣнію, теперь уже выметены изъ философской науки, и современная, вымѣстъ которой во Франціи пришлось уже на его долю. Эти *entités* извѣстны подъ именами: *субстанцій* (матеріи, духа или души) и *силъ* или *способностей* (свойствъ) субстанцій. По изгнаніи этихъ метафизическихъ фантомовъ, „скрывающихся какъ бы подъ одеждкою изъ явленій“, предметомъ науки, должны остаться, думаетъ Тэнъ, только „законы, факты **), или феномены, события (*événements*) и отношенія“. Но и въ этомъ случаѣ онъ къ сожалѣнію, подобно Конту, точно не опредѣляетъ этихъ терминовъ, а тихомолкомъ разумѣеть подъ ними нѣчто такое, что должно считать совершенно независимымъ отъ нашей мысли и реальнымъ по природѣ ***).

наприм., Лааса. Въ этомъ отношеній позитивизмъ Тэна напоминаетъ позитивизмъ Канта, потому что и у послѣдняго его позитивистическая воззрѣнія выработались путемъ полемики противъ метафизики вольфіанской школы.

*) Правда, Тэнъ въ одномъ мѣстѣ даетъ опредѣленіе глагола „быть“ (*L'intell.* т. I, кн. IV, гл. III), но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ служитъ грамматическою связкою, а не въ специфическомъ философскомъ значеніи.

**) Миръ, по Тэну, есть „груда фактовъ“, связанныхъ законами.

***) О терминахъ: „фактъ“ и „явленіе“ я уже упоминалъ въ статьѣ о Конте (стр. 57). Вмѣстѣ съ ними и терминъ: „событие“, не имѣетъ смысла безъ

Наконецъ и у Тэна есть понятіе „фактовъ, доступныхъ нашему организму“, только не такъ наивно выраженное, какъ у Конта. Такъ, изгоняя изъ психологіи душу, онъ думаетъ уничтожить *таинственную промежуточную область явлений*, которые протекаютъ какъ бы виѣ организма между *начальнымъ пунктомъ психологіи, ощущеніемъ, и конечнымъ или движениемъ*, неразрывно связанными съ организмомъ. Такимъ образомъ выбрасываются тѣ душевные акты прежней психологіи, которые доступны были только какъ бы *внутреннему оку* или уму и которые у Тэна становятся функціями мозговой корки. Хотя можно указать еще и на другія сходства между Контомъ и Тэномъ, но я считаю достаточнымъ и приведенныхъ; а теперь изложу его взглядъ на субстанціи матеріи и духа и присоединю къ этому изложению нѣсколько критическихъ замѣчаній.

Матерія и духъ у Тэна. Можно сказать, что все сочиненіе Тэна „De l'intelligence“ есть развитіе тезиса, что ни *матеріи*, ни *духа* не существуетъ и что вся реальность исчерпывается ощущеніями и движеніями. Вотъ, въ самомъ сжатомъ видѣ изложеніе его воззрѣній на эти предметы*). Матерія есть „метафизическая иллюзія“, которая, по Тэну, даже „самыми вѣрными послѣдователями эмпірии“ принимается въ качествѣ первоначальной субстанціи, между тѣмъ она есть не болѣе какъ „словесная сущность“, т.е. слово, удобное для обозначенія явлений и для сокращенія рѣчи о нихъ. Слѣдя Д. С. Миллю, Тэнъ опредѣляетъ матерію

мыслящаго субъекта, для которого только и существуетъ перемѣна, или событие. Наконецъ и „отношеніе“ не мыслимо безъ чего-либо существующаго безотносительно, которое должно служить источникомъ для образования первоначальныхъ отношеній, т.е. безъ субстанцій и ихъ актовъ. Законы же суть не что иное, какъ обобщенные факты или события.

*) Конечно, я долженъ здѣсь ограничиться, такъ сказать, намеками на эти воззрѣнія Тэна, не доступныя къ краткой передачѣ не только въ силу ихъ сложности, но и въ силу входящихъ въ нихъ мало замѣтныхъ, но несомнѣнныхъ софизмовъ и противорѣчій, для обстоятельного раскрытия которыхъ потребовалась бы, пожалуй, цѣлая книга. Всего замѣчательнѣе то, что эти софизмы не рѣдко скрываются среди массы сравненій и примѣровъ, обильно разсыпанныхъ въ сочиненіяхъ Тэна для уясненія и подкрѣпленія его положеній.

какъ „постоянную возможность ощущеній“, но далѣе, при соединяя къ условіямъ этой возможности еще одно, а именно: наличность того, что называется „силами физическими, химическими, механическими“, сводящимися къ движению и „превращающими для чувствующаго существа возможность ощущеній въ ихъ необходимость“, Тэнъ уже отъ себя опредѣляетъ матерію не только какъ возможность, но и какъ необходимость ощущеній *).

Въ тѣсной связи съ отрицаніемъ матеріи, какъ субстанціи, стоитъ у Тэна весьма важное понятіе „правдивой галлюцинації“ (*hallucination vraie*), обосновкѣ и доказательству котораго посвящена значительная часть его сочиненія: „Объ умѣ“. Посредствомъ этого понятія онъ объясняетъ такъ-называемое восприятіе внѣшнихъ вещей, признаваемое имъ только чисто *внутреннимъ событиемъ*, вслѣдствіе котораго наши состоянія „кажутся намъ образами, отличными отъ насъ и существующими въ насъ“. Эти образы слагаются, по Тэну, изъ различныхъ одновременныхъ нашихъ ощущеній и являются въ формѣ пространственно - непрерывнаго цѣлостнаго ощущенія, какъ бы слившагося изъ многихъ отдельныхъ. Эту нашу галлюцинацію мы невольно и выносимъ или „проэцируемъ“ (выбрасываемъ) въ мнимое пространство, принадлежащее къ такимъ же нашимъ ощущеніямъ (мускульнымъ, осязательнымъ, зрительнымъ **). Такимъ же порядкомъ созидается и иллюзорный образъ нашего собственнаго тѣла, которое мы также понимаемъ

*) См. „L'intelligence“ т. II, кн. II, гл. I, и т. I, кн. IV, гл. III.

**) Термины: „внѣ, внутри“ (*„interne, extérieur, dehors, dedans“*) служатъ для Тэна неизсякаемымъ источникомъ, конечно неумышленныхъ, *софистическихъ двусмыслий*. Такъ, мнѣ кажется, ему не легко было бы отвѣтить на вопросъ: куда мы проэцируемъ изъ „ихъ мозгового сѣдалища (*hors de leur siège cérébral*)“ наши иллюзорные образы, состоящіе изъ ощущеній? Отвѣтить, что они проэцируются въ пространство, Тэну, по-моему, нельзя, потому что пространство, по его теоріямъ, само по себѣ не существуетъ и только составляетъ призрачную принадлежность ощущеній, слѣдовательно, зависить отъ нихъ и даже получаетъ отъ нихъ имена: зрительное (цвѣтовое), осязательное, мускульное пространство. Но если пространство образуется, только благодаря проекціи ощущеній, то опять куда же они-то проэцируются?

какъ внѣшнее воспріятіе и идея котораго постепенно дѣлается неразрывной съ идеей о нашемъ собственномъ „я“. Такимъ образомъ, заключаетъ Тэнъ, „всѣ предметы, называемые нами тѣлами, суть только внутренніе фантомы, отрывки нашего „я“, какъ бы отдѣленные отъ него и противопоставленные ему, тогда какъ, въ сущности, они суть то же самое „я“, но только въ другомъ видѣ; значитъ, строго говоря, это небо, эти свѣтила, эти деревья, вся эта чувственная вселенная, которую созерцаетъ каждый изъ насъ, есть наше дѣло или вѣрнѣе наша эманация, наше соображеніе, невольно производимое нами безъ всякаго о томъ сознанія и распредѣляющееся вокругъ насъ въ безконечность“ (Ibid. T. II, кн. 2, гл. II).

Но однако этотъ иллюзорный міръ фантомовъ заключаетъ въ себѣ истину, которая, по Тэну, и открывается намъ послѣ различныхъ научныхъ «повѣрокъ, поправокъ и ограниченій», описание которыхъ вмѣстѣ съ физиологической теоріей локализаціи ощущеній дѣлается подробно въ трактатѣ Тэна; его мы, конечно, по недостатку мѣста, воспроизвести не можемъ. Заключеніе же изъ всѣхъ «поправокъ и повѣрокъ» выражается словами самого Тэна такъ: «наше ложное сужденіе вообще достигаетъ того же результата, къ которому приходитъ и истинное сужденіе» или иначе: «то, что мы говоримъ ошибочно о нашихъ ощущеніяхъ*) присоединяется съ почти абсолютной и постоянною точностью къ нервному сотрясенію, которое связано съ этими ощущеніями», такъ что «умственной иллюзіи почти всегда соответствуетъ сотрясеніе конца нервовъ». При этомъ «малѣйшія измѣненія и различія въ объектахъ совпадаютъ съ различіями и измѣненіями нашихъ ощущеній» и имѣютъ «свои эквиваленты» въ различіяхъ нервныхъ сотрясеній. Отсюда

---

*) Когда мы, наприм., ложно помѣщаемъ наши внутреннія ощущенія вместо мозговыхъ центровъ, гдѣ они происходятъ, въ разные органы тѣла, наприм., ощущенія тепла, вкуса, обонянія, давленія, боли и т. п. или даже, когда мы ихъ понимаемъ, какъ качества внѣшнихъ объектовъ, наприм.. цвета, звуки, осязательныя ощущенія и т. под.

мы имѣемъ полное право сказать, что «наше виѣшнее воспріятіе есть *правдивая галлюцинація*».

Но однако этой галлюцинаціи, или «внутреннему и преходящему призраку обыкновенно точь-вѣ-точъ соотвѣтствуетъ» постоянная и независимая отъ чьего-либо присутствія или отсутствія и существованія возможность и необходимость извѣстныхъ ощущеній, которыя, при различныхъ условіяхъ, будуть испытывать во всякоѣ время всѣ ощущающія существа. Только вѣ этой постоянной возможности и заключается поводъ «къ нашему воображенію метафизической сущности, называемой матеріей, а ея осуществленіе или дѣйствительность ведетъ къ воображенію другой метафизической сущности, называемой силой» *). Если же мы не будемъ забывать, что эти сущности суть только символы, то они окажутся весьма удобными для *предвидѣнія и предсказанія* фактovъ и событій.

Теперь познакомимся съ понятіемъ Тэна о *душѣ*, или о нашемъ «я». Оно весьма похоже на понятіе матеріи и, подобно этой послѣдней, есть «Фикція ума». Эта мнимая субстанція есть не болѣе какъ «словесное существо», «все бытіе котораго зависитъ отъ насъ; она—иллюзія, чистое ничто, метафизический фантомъ, какими философы наполняютъ весь миръ». Когда мы говоримъ: «я вкушаю, я страдаю отъ боли вѣ ногѣ, я вспоминаю концертъ, то во всѣхъ этихъ сужденіяхъ предполагается глаголь: быть. Всѣ эти сужденія заключаютъ субъектъ «я», соединенный посредствомъ этого глагола: быть—съ причастіемъ, означающимъ аттрибути. Но это во всякому сужденіи значить не болѣе какъ только то, что аттрибути есть элементъ, фрагментъ, экстрактъ субъекта (подлежащаго), включенный вѣ него, какъ часть цѣлаго; вѣ этомъ весь смыслъ и вся функция глагола быть». «Вкусъ, страданіе, воспоминаніе суть не болѣе, какъ элементы, экстракты, отрывки субъекта (меня). Значитъ, эти

---

*) Тамъ же, томъ II, кн. II, гл. 2. (цитаты относятся къ 3-му изданію).

наши послѣдовательныя событія (въ насъ) суть только послѣдовательныя составныя части нашего я» *).

Но однако, думаетъ Тэнъ, это я «не есть простой *што* событій, оно остается однимъ и непрерывнымъ, а мы, какъ наблюдатели отдѣляемъ событія въ насъ одни отъ другихъ для удобства изученія». На самомъ же дѣлѣ событія образуютъ одну непрерывную ткань, которую мы мысленно дѣлимъ на произвольныя части, «подобно тому, какъ для лучшаго изученія какой-либо доски мы можемъ раздѣлить ее на треугольники, квадраты и т. под. Значить, нельзя сказать, что я есть само по себѣ только рядъ событій (явленій), присоединенныхъ другъ къ другу концами, потому что вѣдь и раздѣлено-то оно на событія только ради наблюденія; а все-таки оно равняется всему этому разряду событій, ибо если ихъ отнять, то ничего ужъ больше и не остается» **).

Къ этому понятію объ „я“ или о духѣ, очень сходному съ понятіемъ о матерії, примыкаютъ у Тэна положенія и теоріи, вполнѣ аналогичныя тѣмъ, съ которыми мы уже познакомились. Такъ, наше „я“, подобно матеріи, иллюзорно ТОЛЬКО ВЪ „метафизическомъ смыслѣ“, когда мы его пони-

^{*}) Если иллюстрировать эти положенія Тэна сравненіемъ, то вышло бы, что сосудъ (стаканъ, бутылка и проч.), въ которой послѣдовательно были бы налиты, или, если угодно, одновременно смѣшаны чай, кофе, вино, масло и т. под., должно считать за фантомъ, иллюзію, ничто и т. под., существующими же должно признавать только чай, кофе, вино и масло, послѣдовательно или одновременно наполнявшія сосудъ. Но Тэнъ, защищаясь, конечно, могъ бы сказать, что вѣдь „я“ не существуетъ въ отдѣльности—безъ вкуса, безъ боли, безъ слышанія концерта и т. под.; сосудъ же всякий можно видѣть отдѣльно и безъ вина, безъ чая и т. под. Но я съ своей стороны опять замѣтилъ бы, что, вѣдь, и сосудъ никогда не бываетъ безъ чего-либо, ибо въ немъ во всякомъ случаѣ есть воздухъ. Но главное, на что я указалъ бы раньше всего и что забываютъ эмпірики и позитивисты,—это то, что нельзя видѣть ни стакана, ни вина, ни чая, потому что видимъ мы только цвѣта, вещи же (стаканъ, вино и проч.) мы только мыслимъ и воображаемъ, хотя языкъ неизбѣжно, на что, впрочемъ, постоянно и справедливо жалуется и самъ Тэнъ, вводить насъ въ соблазнъ и заставлять созидать цѣлую міѳологію....

^{**)} Тамъ-же томъ I, кн. IV, гл. IV. Тэнъ и другие позитивисты забываютъ, что за всѣмъ тѣмъ остается еще „я“, сознавшее себя и свои акты *сочлененія, раздѣленія, отнятія* и т. под.

маемъ какъ „непротяженный центръ, соединенный съ организованнымъ тѣломъ“. Но „оно вовсе не таково въ смыслѣ обыкновенномъ, гдѣ ему дѣйствительно соотвѣтствуетъ постоянная возможность извѣстныхъ событій при извѣстныхъ условіяхъ“. Точно то же относится и къ „особымъ способностямъ и дарованіямъ“, аналогичнымъ со свойствами материальныхъ тѣлъ. Въ силу метафизической иллюзіи мы думаемъ, что эти способности принадлежать намъ въ качествѣ особыхъ реальныхъ объектовъ (силь), всегда присущихъ намъ, и притомъ въ качествѣ „внутреннихъ, что и составляетъ ихъ общій характеръ“. Въ „смыслѣ же обыкновенномъ“ эти способности нашего „я“ ничего другого не значатъ, какъ то, что различныя наши состоянія (ощущенія, образы, идеи, воспріятія, волненія, желанія и т. под.) при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ изъ возможныхъ становятся дѣйствительными или реальными.

Дальнѣйшая аналогія между рассматриваемыми отношеніями состоитъ въ томъ, что вышеизложенной локализацией ощущеній въ пространствѣ соотвѣтствуетъ *разстановка* нашихъ внутреннихъ событій во времени, причемъ посредствомъ особаго механизма они присоединяются одно къ другому на подобіе звеньевъ одной цѣпи, такъ что образы этой цѣпи вызываютъ другъ друга по закону ассоціаціи идей. При этой разстановкѣ нашихъ событій во времени, аналогично съ пространственной локализацией ощущеній и образовъ происходятъ различныя „поправки и повѣрки“, такъ что въ концѣ концовъ вся серія нашихъ событій въстановляется въ томъ порядкѣ, въ какомъ они проходили и реально. Однимъ словомъ, механизму и процессу „правдивой галлюцинації“ соотвѣтствуетъ механизмъ и процессъ „правдиваго воспоминанія“.

Критическія замѣчанія къ понятіямъ матеріи и духа у Тэна *). Я формулирую эти замѣчанія въ слѣдующихъ положеніяхъ:

*) Еще разъ, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ напомнить читателямъ, что въ этихъ замѣчаніяхъ вовсе не ставлю себѣ задачу систематически

I. Тэнъ, опредѣляя матерію, употребляетъ термины, относящіеся къ *категоріямъ модальности*, т.-е. къ понятіямъ— „дѣйствительность, возможность, необходимость“ и проч., а между тѣмъ предварительно не даетъ никакого специального ученія и опредѣленія какъ этихъ, такъ и другихъ категорій *). Отъ этого отсутствія опредѣленій всѣ его положенія, въ которыхъ входятъ понятія „возможности и необходимости“, совсѣмъ не ясны. Такъ, наприм., остается неизвѣстнымъ, считаетъ ли Тэнъ понятія возможности, необходимости, случайности и проч. приложимыми къ *бытію*, или же онъ понимаетъ ихъ какъ приложимыя только къ области мышленія или *познанія*. Иначе говоря, думаетъ ли Тэнъ о такой возможности, чтобы стало дѣйствительно существующимъ или даже необходимо существующимъ нѣчто *еще вовсе не существующее*; или же онъ понимаетъ возможность и необходимость только такъ, что мы, размысливая объ области *неизвѣстнаю намъ бытія*, только можемъ *предполагать* что-либо существующимъ, возможнымъ или даже необходимымъ **).

разбирать или опровергать всѣ теоріи Тэна. Я дѣлаю это только въ той мѣрѣ, въ какой, по-моему, оно нужно для *яснія примога*, употребляемыхъ имъ и другими представителями позитивистической философіи для подкрѣпленія ихъ ученія и *мотивовъ*, приводящихъ ихъ къ построенію этого ученія.

*) Правда, въ сочиненіи „De l'intelligence“, въ главѣ „объ общихъ понятіяхъ и общихъ предложеніяхъ“ можно найти *отчасти* и то, что у Канта и другихъ философовъ относится къ „категоріямъ“. Но эти указанія скучны, отрывочны и не систематичны. Дѣло въ томъ, что Тэнъ ошибочно смѣшиваетъ категоріи съ такъ называемыми *общими абстрактными* понятіями, что, впрочемъ, встрѣчается и у другихъ позитивистовъ и сенсуалистовъ, строющихъ познаніе изъ ощущеній.

**) Я, съ своей стороны, категоріи: возможное, невозможное, случайное, необходимое— считаю приложимыми только въ области мышленія и притомъ думаю, что всѣ эти категоріи не имѣютъ никакого смысла безъ сравненія и соотношенія съ категоріей дѣйствительности. Кромѣ того, возможное или невозможное всегда относительны, смотря по силѣ познанія или мышленія субъекта и смотря по большей или меньшей обширности той дѣйствительности, которую онъ способенъ обнять или познать. Тѣмъ болѣе относится къ сферѣ мышленія категорія необходимости или случайности, потому что *въ сфере бытія* есть только, по-моему, *одно дѣйствительное*, но нѣть ни случайного, ни необходимаго. Конечно, все это имѣетъ тѣсную связь съ идею времени (см. № 3 „Своего Слова“).

Во всякомъ случаѣ опредѣленіе матеріи у Тэна несостоятельно, если онъ серьезно отрицаєтъ ея реальность и считаетъ пустымъ словомъ *). Такое слово, равняющееся „ничто“, не можетъ быть, конечно, условиемъ или возможностью ощущеній, т.-е. единственной, по его мнѣнію, реальности **).

2. Конечно я, подобно нѣкоторымъ критикамъ Тэна, не стану сокрушаться, что онъ считаетъ фантомами всѣ такъ-называемыя вѣшнія вещи, или образы нашей вселенной: въ этомъ онъ вполнѣ правъ. Я съ своей стороны, напротивъ, упрекну его (*sit venia verbo*) въ фокусѣ, по которому устраненіе столь необходимой для многаго множества философовъ матеріи есть нѣчто мнимое, ибо Тэнъ снова возвращаетъ ее къ бытію, только въ новомъ костюмѣ и подъ маскою. Важнѣйшая операція этого маскарада производится посредствомъ вычурно-искусственного и какъ бы нарочито выкованного понятія „правдивой галлюцинаціи“. По-моему, понятіе галлюцинаціи никакъ не можетъ быть приложимо къ тому роду человѣческихъ иллюзій, въ которыхъ *всѣ люди по-головно впадаютъ* даже и тогда, когда они уже разоблачили эти иллюзіи. Что небо со всѣми свѣтилами и пр.

---

*) Тэнъ скорѣе долженъ бы быть назвать возможностью ощущеній другую изъ отвергаемыхъ имъ „entit s“, т. е. душу, тѣмъ болѣе, что, какъ можетъ-быть уже замѣтили выше читатели, онъ и наше „я“ опредѣляетъ возможностью *всѣхъ нашихъ событий*, къ числу которыхъ причисляетъ и ощущенія. Впрочемъ, пожалуй, какъ матерія, такъ и я можно считать возможностью чего хотите, потому что *пустое* слово, или ничто, не можетъ помѣшать никакому бытію.

**) Задмствую цѣликомъ у Милля вмѣстѣ съ многими другими пунктами и это опредѣленіе матеріи, Тэнъ вмѣстѣ съ тѣмъ прихватываетъ и двусмысленную софистику Милля, который то выражается такъ, что будто бы считаетъ матерію чѣмъ-то реальнымъ и объективнымъ, то такъ, что она есть только субъективный призракъ или явленіе. Что же касается до того, что вообще философія Милля, такъ сказать, кишитъ софизмами, то въ настоящее время сомнѣваться въ томъ было бы просто наивно. Въ философской литературѣ послѣдняго времени можно только затрудняться въ выборѣ между многими критиками Милля, обличавшими его софизмы. Между ними съ особенною энергией дѣлалъ это англичанинъ профессоръ Джевонсъ. Конечно, Тэнъ къ софистицѣ Милля прибавилъ не мало и своей собственной.

двигается ежесуточно вокруг земли,—это *иллюзія*, но вовсе не *галлюцинація*; что человѣку, стоящему въ одномъ концѣ аллеи, другой конецъ ея кажется сходящимся въ одной точкѣ, это также *иллюзія*, но не *галлюцинація*. Точно также и кажущаяся помѣщеною „внѣ“ или „тамъ“ матеріальная вселенная есть *иллюзія*, но не *галлюцинація*. Галлюцинація происходитъ, наприм., когда сумасшедшему, но только *смутному*, слышатся угрожающіе крики, голоса преслѣдующихъ его враговъ и т. п. Даље я считаю вводящимъ въ недоразумѣніе и двусмысленнымъ соединеніе прилагательного: „правдивый“ съ терминомъ: „галлюцинація“, потому что понятія правды, истины, ошибки, въ строгомъ смыслѣ слова, по-моему, не приложимы просто къ ощущеніямъ или къ образамъ, состоящимъ изъ ощущеній, какъ таковыми. Ошибочными и вѣрными могутъ быть только *сужденія* или *мнѣнія*, въ которыхъ мы какъ-либо объясняемъ и толкуемъ причину этихъ образовъ. Галлюцинації сумасшедшихъ, взятыя сами по себѣ, правдивы, т. е. больные не лгутъ и не ошибаются, что слышать голоса или видѣть образы преслѣдующихъ ихъ существъ, но ошибаются только въ томъ, что причинно относятъ видимое или слышимое не къ себѣ, какъ источнику, а къ другимъ существамъ. Значитъ, какъ *иллюзія* *всѣхъ* людей въ томъ, что матеріальный міръ существуетъ „тамъ“, „во внѣ“ и воспринимается нами „извнѣ“, вовсе не есть галлюцинація, такъ и вопросъ объ истинѣ или ошибкѣ долженъ относиться не къ видимости и слышимости образовъ, неточно называемыхъ Тѣномъ „галлюцинаціями“, а къ нашимъ *сужденіямъ* или понятіямъ о причинномъ происхожденіи этихъ образовъ.

3. Теперь я укажу на одно *важное недоразумѣніе*, входящее въ ту же теорію „правдивой галлюцинації“ и тѣсно связанное съ маскарадомъ, посредствомъ котораго Тэнъ возстановляетъ матерію, такъ торжественно, повидимому, имъ отвергнутую. По теоріи его, не только всѣ матеріальные тѣла вселенной, но и наше собственное тѣло суть галлюцинації, вовсе не существующія тамъ, гдѣ онѣ намъ кажутся,

и вовсе не имеющія тѣхъ свойствъ, съ которыми онѣ намъ кажутся. Само собою разумѣется, что если наше тѣло есть галлюцинація, то таковы же и отдельныя его части: руки, ноги, животъ, голова со всѣмъ въ ней находящимся, т.-е. мозгомъ, съ его цвѣтомъ, консистенцію, запахомъ и т. под. свойствами. Что же касается до правдивости галлюцинацій всѣхъ призрачныхъ образовъ вселенной, то она, по Тэну, стоитъ на томъ, что всѣмъ ея элементамъ и частямъ соответствуетъ одновременное *действительное сотрясеніе* нашихъ нервовъ, начиная отъ ихъ периферического конца до центрального, и что далѣе сотрясеніе это продолжается въ нервныхъ центрахъ въ видѣ безконечно разнообразныхъ „фигуръ, которыхъ вытанцовываютъ молекулы и клѣточки“, входящія въ составъ этихъ мозговыхъ центровъ, и которыхъ вполнѣ соответствуютъ безконечному различію въ комплексахъ нашихъ ощущеній и образовъ, помѣщающихся въ тѣхъ же центрахъ. Но если и наше тѣло съ мозгомъ есть, въ свою очередь, тоже галлюцинація, то спрашивается, какими или чьими сотрясеніями оправдываются галлюцинаціи нашего тѣла, головы и мозга? *).

Въ связи съ сейчасъ изложеннымъ недоразумѣніемъ стоитъ и *другое*, состоящее въ томъ, что Тэнъ кромѣ галлюци-

*) Отвѣтить на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія теорій Тэнна я считаю невозможнымъ, хотя и былъ бы очень благодаренъ тому, кто доказалъ бы мнѣ, что я въ этомъ случаѣ ошибаюсь. Если же кто либо замѣтитъ мнѣ, что въ сущности разбираемыя мною теоріи Тэнна (теорія сотрясеній мозга и образующихся вслѣдствіе ихъ ощущеній и пр.) въ основѣ своей имѣютъ физіологію, то я, въ свою очередь, скажу на это, что вообще физіологи въ своей науцѣ стоятъ *не на философской, а на условной точкѣ* зрѣнія. Они или откровенные материалисты, въ чёмъ, какъ мы видѣли выше, упрекаетъ ихъ и самъ Тэнъ, или во всякомъ случаѣ *наивные реалисты*, которые субстанцируютъ время, пространство, движеніе и матерію, вовсе не заботясь о доказательствѣ и обосновкѣ ихъ реальности; и, не задумываясь о противорѣчіи, спокойно полагаютъ съ одной стороны *дѣйствительно существующими* такъ называемыя материальные вещи, а съ другой исповѣдуютъ, что цвета, звуки, запахи и вообще безчисленныя ощущенія суть продукты молекулярного движенія мозга. Тэнъ же въ своихъ теоріяхъ хочетъ стоять на философской почвѣ и требуетъ полнаго, абсолютно удовлетворяющаго или, что все равно, *безусловно небходимо* объясненія процесса образования человѣческихъ познаній.

націй, ілюзорно наполняючихъ такъ называемый виѣшній міръ, предполагаетъ еще „предметы, возбуждающіе сотрясеніе нервовъ“ и находящіеся „тамъ,“ куда проэцируются наши галлюцинації. Конечно, эти предметы ни цвѣтны, ни звучать, ни мягки, ни шероховаты, ни теплы, ни холодны,— однимъ словомъ, не имѣютъ ничего того, чѣмъ обладаютъ наши проэкції и что производится сотрясеніями въ нашихъ нервахъ и центратахъ. Насколько можно заключить изъ положеній Тэнса, касающихся до этихъ предметовъ, они обладаютъ только движеніемъ, т.-е. какъ разъ тѣмъ свойствомъ, которое приписывается материалистическою философіей матерії, какъ субстанції. Но если далѣе мы присоединимъ къ этому соображенію теорію Тэнса о „подвижныхъ двигателяхъ (moteurs mobiles)“, то уже совсѣмъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ, признаетъ реальность этой, якобы изгоняемой имъ изъ философіи, субстанції. Теорія „подвижныхъ двигателей“ состоитъ въ томъ, что мы можемъ понимать матеріальныя тѣла, положимъ, камень, не только какъ возможность различныхъ нашихъ ощущеній (твердости, сопротивленія, тепла, холода и проч.), но еще имѣемъ право мыслить его состоящимъ изъ движений, аналогичнымъ нашимъ собственнымъ, о которыхъ мы знаемъ по мускульнымъ ощущеніямъ *).

Оспаривая опредѣленіе Милля и Бэнза, что матерія (напр. камень) есть только возможность ощущеній для чувствующихъ существъ, Тэнъ говоритъ, что, съ ихъ точки зреянія, должно отрицать всякое существованіе въ мірѣ, пока въ немъ не было такихъ существъ; а между тѣмъ, по учению астрономовъ и физиковъ, такія существа появились въ мірѣ только очень недавно. Поэтому камень,— утверждаетъ съ своей стороны Тэнъ,—существовалъ бы и безъ всякихъ ощущающихъ существъ; въ немъ есть и было бы „нѣчто существенное (*intrinsèque*), что мы называемъ молекулами; или, выражаясь иначе, онъ всецѣло состоитъ изъ подвижныхъ двиг-

---

*.) См. томъ II, книга 2, глава I.

тателей, которые продолжали бы, какъ и теперь, тяготѣть къ землѣ, пропорціонально своей массѣ, и совершали бы свои внутреннія колебанія. Значитъ, кромѣ постоянной возможности для насъ ощущеній зрительныхъ, осознательныхъ и пр. камень есть еще особая группа стремленій къ движению, а также и готовыхъ совершиться отдѣльныхъ движений*). Изъ этихъ словъ мы имѣемъ полное право заключить, что „безстрашный сокрушитель идоловъ официальной метафизики (*L'audacieux briseur des idoles de la metaphysique officielle*)“, какъ выражается о Тэнѣ Бурже, въ концѣ концовъ оказался скромнымъ филистомъ и тайкомъ опять поклонился старому идолу,—*матеріи*, которую съ такимъ шумомъ извлекалъ изъ ея капища.

4. Нельзя также оставить безъ возраженій понятій Тэна о душѣ, которая возбуждаютъ во мнѣ *неразрѣшимыя*, по-моему, недоумѣнія.

Прежде всего недоумѣваю я въ томъ, какъ могъ Тэнъ считать душу за „призрачную словесную сущность“ (*entit *), „за пустое слово или простое ничто“, тогда какъ всюду въ двухъ томахъ его трактата: „Объ умѣ“ только и рѣчи, что о „насъ“ и „нашихъ“ дѣйствіяхъ. Вездѣ „мы, насъ, намъ, нами“ и проч. И чего, чего только „мы“ тамъ не дѣлаемъ! Матерія, наприм., есть только возможность ощущеній, но, вѣдь, дѣйствительно-то ощущаемъ „мы“. Безъ *насъ* и безъ подобныхъ *намъ* существъ матерія была бы ничто... по мнѣнію Юма, Милля, Бэнна... или, если согласиться съ поправкой ихъ теоріи Тѣномъ, она, конечно, была бы только „подвижными двигателями“, хотя бы (допустимъ это на минуту) и возбуждающими ощущенія, но которая ощущались бы все-таки „нами“ же. Если же кто-либо замѣтилъ бы, что, по поводу нашихъ ощущеній, мы сильно заблуждаемся, то все-таки заблуждаются не сами ощущенія, или не „подвижные двигатели“, а *мы*. Точно также, хотя мы и принимаемъ за реальность галлюцинаціи, но все-таки, какъ то и приличествуетъ

---

*.) Смъ тамъ же.

субстанціямъ, *свои собственныя галлюцинаціі*, но не чужія, наприм., „подвижныхъ двигателей“ и т. п. Вѣдь, мы воспринимаемъ разнообразныя ощущенія, мы же вѣрио или ошибочно ихъ различаемъ *), и въ насъ же, а не въ „подвижныхъ двигателяхъ“, изъ отдѣльныхъ ощущеній какъ будто слагаются образы, представляющіе нѣчто непрерывное и цѣлое. Хотя это и галлюцинаціи, но однако же „повѣряемъ и поправляемъ“ ихъ столь „научно“, что въ концѣ концовъ галлюцинаціи оказываются „правдивыми“.

Хотя у Тэна нѣть систематического ученія и опредѣленія категорій или идей, но однако едва ли онъ сталъ бы утверждать, что наприм., идеи *подобія, тождества, равенства* и т. под. понимаются кѣмъ-либо, кромѣ или помимо *насъ*, разумныхъ, мыслящихъ существъ. Точно также, вѣдь, не сами же находящіеся *рядомъ* и *подъ* два цвѣта понимаютъ это свое отношеніе, а понимаемъ его „мы“; а между тѣмъ на этомъ пониманіи стоитъ и развивается наша *идея пространства*. Далѣе не молнія и громъ, какъ ощущенія или события, понимаютъ себя въ порядкѣ: *прежде и послѣ*, а мы понимаемъ такъ этотъ порядокъ, а вѣдь въ этомъ и состоитъ сущность и основа нашей *идеи времени*. Но не только мы понимаемъ и устанавливаемъ порядокъ пространственный (подлѣ, рядомъ, одно вѣдь другого) или порядокъ временный (прежде, теперь и потомъ), мы же еще и локализируемъ или разставляемъ въ этихъ порядкахъ какъ *наши* ощущенія и составляющіеся изъ нихъ образы, такъ и происходящія съ *нами* или отмѣчаемые *нами* относительно другихъ существъ событий **). Наконецъ если мы въ этой пространственной локализаціи и времененной разстановкѣ дѣлаемъ какія ли-

*) Вѣдь, не цвѣта сами себя видять, не звуки сами себя слышать, не запахи сами себя обоняютъ, а „мы“ видимъ, слышимъ, обоняемъ и сознаемъ различие этихъ актовъ и т. под.

**) Конечно, образы не сами себя локализируютъ въ пространствѣ, ибо, вѣдь, они, по Тэну, только наши „невольныя галлюцинаціи“. Точно также не сами себя разставляютъ во временномъ порядкѣ события, ибо, вѣдь, они мгновенно исчезаютъ изъ нашего реальнаго сознанія, а возстаютъ только по нашему точному, „правдивому воспоминанію“.

бо ошибки, то опять-таки ошибки эти исправляются „нами“ же, а не сами образы или события исправляют свое размѣщеніе*). Наконецъ, согласно учению самого Тэна, „мы“, а не кто другой, „создаемъ изъ себя всю нашу вселенную“ или, по его выражению, испускаемъ, „эманируемъ“ ее. Наконецъ, по его же учению, „мы“ создаемъ даже и ту „фикцію“, которую называемъ душою. Надѣюсь, что читатели послѣ всего этого оправдаютъ мое сильное недоумѣніе по поводу огромнаго различія, выраженнаго Тѣномъ въ отношеніи къ одному и тому же предмету, человѣческому существу, только на основаніи грамматической формы, въ которой онъ говоритъ о немъ. Когда онъ говоритъ въ единственномъ числѣ о нашемъ „я“, то характеризуетъ его какъ полное ничтожество, пустую фикцію и т. п. Но когда онъ говоритъ о немъ во множественномъ числѣ, называя его „мы“, то оно вырастаетъ у него до огромныхъ размѣровъ и дѣятельность его оказывается чрезвычайно важною въ дѣлѣ человѣческаго познанія.

5. Но, можетъ-быть, кто-либо замѣтитъ, что я не обратилъ должнаго вниманія на различіе, сдѣланное Тѣномъ между „я“ въ метафизическомъ и я въ обыкновенномъ смыслѣ, а потому и не вижу выхода изъ сейчасть означенного недоумѣнія! На такое замѣченіе я решительно отвѣчаю, что это крайне *искусственное* различіе не только никакого выхода не представляетъ, но нагромождаетъ еще новыя недоумѣнія. Если разъ „я“ есть пустое слово, то оно *ни въ какомъ смыслѣ* ничего означать не можетъ **), потому что ему

*) Конечно, потому что они дѣйствовать никакъ не могутъ, а если бы какъ либо и дѣйствовали, то никакъ не могли бы понимать отношенія своихъ дѣйствій. Здѣсь кстати, слѣдуетъ настойчиво замѣтить, что *мы* единственная причина какъ нашихъ, хотя бы ошибочныхъ локализаций въ пространствѣ, такъ тѣмъ болѣе въ разстановкѣ порядка нашихъ воспоминаній во времени, а ужъ никакъ не мозгъ или его сотрясенія, потому что сами естественные науки и между ними физиология учатъ нась, что въ теченіе 20, 30, 40 лѣтъ и болѣе, составляющихъ область нашихъ воспоминаній какъ мозгъ, такъ и весь организмъ до послѣдней молекулы нѣсколько разъ перемѣнились за-ново.

**) Такъ и это „я въ обыкновенномъ смыслѣ“ есть у Тэна не болѣе, какъ собирательное имя.

нигдѣ и никакъ не соотвѣтствуетъ что-либо реально существующее *). Что же касается до опредѣленія, которое даетъ Тэнъ нашему „я въ обыкновенномъ смыслѣ“, что оно есть только возможность извѣстныхъ событій при извѣстныхъ условіяхъ, то, во-первыхъ, мы здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же затрудненіемъ (отсутствіемъ ученія и опредѣленія категорій), на которое было указано мною при опредѣленіи матеріи, а во-вторыхъ, что главное, *подлинное и реальное* наше „я“ никогда не бываетъ только возможностью, а всегда есть *дѣйствительность, данная въ прямомъ сознаніи* о себѣ, какъ дѣятель во всѣхъ психическихъ событіяхъ **). Это сознаніе себя вовсе не должно быть понимаемо такъ, что оно какъ бы включено только

*) Еслибы Тэнъ хотѣлъ дѣйствительно разрушить идею субстанціальности нашей души, то, по-моему, ему слѣдовало бы критически разсмотрѣть ея понятіе въ различныхъ метафизическихъ системахъ, потому что опредѣленіе ея, какъ „непротяженіаго центра, соединеннаго съ тѣломъ“, принадлежащее Декарту и отъ него перешедшее въ новѣйший французскій спиритуализмъ, есть одно изъ наименѣе состоятельныхъ (потому что грѣшитъ несомнѣннымъ дуализмомъ). По-моему, Тэну слѣдовало бы разсмотрѣть другія опредѣленія нашего „я“, наприм., въ индійской философіи, у грековъ, у Локка, Лейбница, Канта, Берклэя, Фихте, Гегеля и т. п.

**) Тэнъ, вѣроятно, думаетъ, что ученіе о существованіи нашей души основано только на предположеніяхъ и умозаключеніяхъ, которые, конечно, могутъ быть и вѣрными, и ошибочными, между тѣмъ, какъ оно основано на безусловномъ, непосредственномъ сознаніи себя, постоянно сопровождающемся всяко другое сознаніе не только у взрослого человѣка, но у дѣтей и даже, по крайней мѣрѣ, у высшихъ животныхъ,—сознаніи столь же несомнѣнномъ и непосредственномъ, какъ и сознаніе ощущеній или чувствъ. Здѣсь кстати замѣтить, что Конть, конечно, теоретически тоже отрицавшій душу, какъ субстанцію (ибо не могъ, въ силу предразсудковъ, правильно понять своего собственного сознанія о себѣ), въ то же время учитъ, что „каждое позвоночное животное (наприм., кошка) обыкновенно не принимаетъ себя за что-либо другое, какъ за самого себя“ (т.е., говоря точнѣ, непосредственно сознаетъ свое существованіе). Конть думаетъ даже, „что у высшихъ животныхъ чувство личности еще ярче, чѣмъ у человѣка“ (см. Курсъ, т. III, стр. 545 и слѣд.). Эти слова, всего значенія которыхъ въ вопросѣ о сознаніи нами своего „я“ Конть и не подозрѣвалъ, указываютъ на совершенно вѣрно отмѣченный фактъ, что о самомъ себѣ не только у человѣка, но и у животнаго есть непосредственное — не знаніе, а сознаніе. Только Конть неточно перемѣщиваетъ термины и вмѣсто правильныхъ терминовъ: сознаніе, индивидуальность, употребляетъ неправильные: „чувство, личность“.

впослѣдствіи ошибочно въ сознаніе нашихъ функций или дѣйствій. Конечно, оно никогда не бываетъ изолировано отъ нихъ, а всегда одновременно съ ними, но, тѣмъ не менѣе, ясно представляеть особое отъ нихъ сознаніе. Значитъ, наши душевныя „события“ никогда не могутъ быть пустою возможностью, но всегда дѣйствительны, какъ въ актахъ нашего сознанія о своей субстанції, такъ и въ актахъ сознанія нами своихъ дѣятельностей: ощущенія (движенія), желанія, чувствованія, мышленія и проч. Скорѣе всего соотвѣтствовало бы у Тэна нашему реальному „я“ то, что онъ говоритъ про „мы“, гдѣ оно является дѣйствительною производящую причиной своихъ собственныхъ дѣйствій (или,— по неточной терминологии Тэна и позитивистовъ,— „фактовъ и событий“).

Но почему же, спросить кто-либо, Тэнъ (а также и другие философы), вопреки непосредственному сознанію своего „я“, отвергаютъ его реальность, впадая при этомъ въ противорѣчие съ самимъ собою и отдаляясь искусственными опредѣленіями и объясненіями и даже прямо злоупотребляя софистикой? Главнымъ образомъ потому, отвѣчу я, что не могутъ вполнѣ преодолѣть, прежде всего, чрезвычайно укоренившагося въ нихъ *наивнаю реализма*, т.-е. признанія дѣйствительного существованія видимаго пространственнаго міра *). Если же кто, подобно Тэну, и преодолѣваетъ, повидимому, этотъ предразсудокъ, то не полно, потому что наивный материализмъ у него переходитъ въ *естественно-научный*, а кромѣ того впадаетъ въ другой предразсудокъ, что будто бы существуетъ какое-то *чувственное познаніе* вещей, тогда какъ чувствами мы рѣшительно ничего не по-

---

*.) Этотъ предразсудокъ держится преимущественно на неправильномъ выраженії. Еслибы, мнѣ кажется, говорили правильно, т.-е. вмѣсто „внѣшній міръ“ говорили бы: „міръ не я“, или „міръ другихъ существъ, кромѣ меня“, то въ этомъ заключалось бы чрезвычайно важное условіе для освобожденія отъ этого предразсудка. Дѣленіе міра на внѣшній и на внутренній только и имѣетъ смыслъ, если пространство существуетъ реально, если же оно не реально, то термины внѣшній и внутренній никакого, кромѣ чисто-*условнало* и *относителънало*, значенія имѣть не могутъ.

знаемъ, а познаемъ разумомъ, мыслью. Съ этимъ предразсудкомъ тѣсно связано постоянное смѣшеніе понятій: *сознаніе и знаніе*. Отъ этого смѣшения особенно трудно отрѣшиться, потому что у каждого человѣка, немножко выходящаго изъ дѣтства, знаніе (истинное или ложное—это все равно) постоянно идутъ обѣ руку съ сознаніемъ *). Далѣе, есть еще предразсудокъ, что будто бы реальность достигается путемъ мышленія, между тѣмъ какъ она дана даже совершенно не-мыслящимъ существамъ, каковы новорожденныя дѣти и животныя **). При смѣшении сознанія съ знаніемъ у позитивистовъ есть еще специальное заблужденіе, что будто бы все бытіе относительно, между тѣмъ какъ относительно только знаніе или объекты мышленія, но все реальное безотносительно. Понятія вполнѣ относительны, предметы же чистаго сознанія, наприм., субстанціи, ихъ дѣятельности и акты вполнѣ безотносительны. Все безотносительное и есть то, что каждое существо непосредственно сознаетъ въ себѣ; но какъ скоро оно обѣ этомъ мыслить, то это безотносительное становится соотносящимся, ибо мысль есть актъ соотношенія.

Наконецъ къ этимъ предразсудкамъ у Тэна специально присоединяется увлечение полемикой съ представителями французского спиртуализма. Конечно, эта полемика, въ известной мѣрѣ, была справедливою, но все-таки увлекала его далѣе законной черты на путь слѣпого стремленія, во что бы то ни стало, уничтожить своихъ противниковъ и не оставить камня на камнѣ отъ ихъ философской доктрины. До какой степени ослѣпляли Тэна вышеуказанные предразсудки и увлеченіе полемикой, показываетъ слѣ-

*) Надобно никогда не забывать, что маленькия дѣти и животныя несомнѣнно имѣютъ сознаніе, но знанія (мышленія) не имѣютъ; и такъ называемое знаніе животныхъ есть не болѣе, какъ механическія и безотчетныя ассоціации идей (образовъ). Сознаніе есть первичный матеріалъ, изъ котораго строится знаніе.

**) Реальность дана въ непосредственномъ сознаніи, мышленіе же необходимо для того, чтобы понять, опредѣлить реальность, т.-е. различить реальность отъ призрачнаго, принимающаго обманчивый видъ реальности.

дующій фактъ. Когда онъ ратовалъ противъ субстанціальности нашего „я“ и низводилъ его къ пустому слову, то обмолвился такимъ положеніемъ, что „я есть не болѣе какъ рядъ его же событий“. Но, вѣдь, по его теоріи въ мірѣ ничего другого и нѣтъ, кромѣ „фактовъ и событий“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что мое „я“ есть рядъ моихъ событий, „я“ Ивана есть рядъ его событий, „я“ Петра есть рядъ его событий. Значитъ, не касаясь никакихъ другихъ существъ, сколько человѣческихъ существъ, столько и рядовъ событий. Теперь спрашивается, чѣмъ же отличаются эти ряды? Прежде всего тѣмъ, что эти ряды принадлежать мнѣ, Ивану, Петру, и т. д. Безъ нихъ, вѣдь, эти события составляли бы просто безразличную „груду фактовъ или событий“, изъ которыхъ, по Тэну, состоитъ міръ. Такъ какъ события мои, Ивана, Петра принадлежать исключительно мнѣ, Ивану, Петру, то изъ цѣлой „груды событий“ ихъ прежде всего могутъ отличить и выдѣлить не кто другой, какъ я, Иванъ, Петръ, которые, такъ сказать, составляютъ необходимое условіе для выдѣленія, отличенія и распределенія своихъ событий. Но спрашивается, какъ можетъ быть осуществлено и реализировано это условіе, если я, Иванъ, Петръ суть только пустыя слова, *flatus vocis?* Очевидно, что и события могутъ принадлежать только существамъ или субстанціямъ и отличать свои события отъ чужихъ могутъ только—не словесныя сущности, а реальнія существа, прямо сознающія и себя, и свои дѣйствія и могущія потомъ мало-помалу знаками или словами даже и выразить это отличеніе и сознаніе и тѣмъ сообщить другимъ то, что имъ прямо недоступно (послѣднее, какъ известно, у людей начинается уже съ 3-хъ, 4-хъ лѣтняго возраста). Конечно, можно отклонить мои замѣчанія посредствомъ какого-либо софизма, но я, не желая выдумывать и угадывать софизмы отъ себя, охотно выслушалъ бы таковой отъ кого-либо изъ послѣдователей Тэна, а теперь скажу нѣсколько заключительныхъ словъ о характерѣ его позитивизма.

Заключительная характеристика позитивизма Тэна. Если не принимать въ разсчетъ впаденіе Тэна

въ двоякую метафизику и если имѣть въ виду только его намѣреніе и претензію оставаться на почвѣ чистаго позитивизма, то тогда изъ указанныхъ мною въ статьѣ „О Контѣ“ (на стр. 55) разновидностей позитивизма его философіи всего болѣе приличествуетъ имя *сенсуализма*. Въ этомъ отношеніи онъ близко сходится съ англичанами, наприм. съ Дж. Ст. Миллемъ и Бэномъ и считаетъ единственную реальность ощущеніе. Всякое познаніе есть у него не болѣе, какъ соединеніе и упорядоченіе ощущеній, а потому необходимо связано съ нашимъ организмомъ, какъ условіемъ ощущеній. На этомъ и стоитъ отрицаніе возможности познанія чисто духовнаго бытія. „Быть“ для Тэна также значитъ *регсірі*, и при томъ *регсірі* чувствено. Поэтому съ особою энергию онъ отрицає существованіе духа. Правда, онъ отрицає также и матерію, какъ субстанцію (она, вѣдь, тоже чувственно не дана), но, какъ мы уже видѣли, это отрицаніе существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Да-лѣе, также въ качествѣ сенсуалиста, Тэнъ считаетъ единственнымъ содержаніемъ познаваемаго міра „факты и события“, которые суть только различныя болѣе или менѣе сложные комбинаціи ощущеній *).

Обращаясь теперь къ материализму Тэна, я долженъ сказать, что этотъ материализмъ не такой наивный, какъ у Конта. Это—материализмъ *научный*, столь обычный у представителей естествовѣдѣнія, принимающихъ безъ философской обосновки, какъ нѣчто данное и само собою понятное, принципы: время, пространство, движеніе и то нѣчто, которое движется и называется матеріей. Задача естественныхъ наукъ только въ томъ и состоитъ, чтобы, не вдаваясь въ вопросы, что такое эти начала по своей сущности и происхожденію, изслѣдовать движение матеріи въ пространствѣ

---

*) Конечно, Тэнъ при этомъ упускаетъ изъ виду, что нѣть факта, который, какъ существующій даже только въ нашемъ мнѣніи, не былъ бы въ то же время и теоріей; нѣть события, которое бы въ то же время не заключало въ себѣ нашу человѣческую точку зрѣнія и въ которое бы такъ или иначе не входили наши чувства, желанія и мысли.

и времени; и какъ скоро онъ ее выполняютъ, то познавательная роль ихъ кончена. Затѣмъ съ вопросомъ, что такое эти четыре принципа, мы должны переходить въ другой разрядъ наукъ—именно философскихъ. Но огромнѣйшее большинство представителей естествовѣдѣнія думаетъ, что отвѣтъ о томъ „нѣчто“, которое называется матеріей, можетъ быть поставленъ и вполнѣ рѣшенъ на почвѣ естествовѣдѣнія; отсюда и возникаетъ материализмъ естественно-научный, въ который впадаетъ и Тэнъ, вступая въ область философскихъ наукъ, психологіи и теоріи познанія, съ выработаннымъ имъ на почвѣ естествовѣдѣнія (физіологии) понятіемъ „подвижныхъ двигателей“. Нельзя не замѣтить, что терминъ этотъ выбранъ довольно осмотрительно въ виду отрицанія Тэномъ матеріи и въ виду удобства этого термина для разныхъ (конечно, софистическихъ) изворотовъ противъ возможнаго обвиненія его въ материализмѣ *). Но однако, чтобы ни сказалъ Тэнъ, каждому ясно, что его „подвижные двигатели“ несомнѣнно соответствуютъ атомамъ и молекуламъ естественно-научнаго материализма, и, какъ мы уже видѣли это выше, они для него существовали задолго прежде существа ощущающихъ. Значитъ, они суть первоначальная основа и „ощущеній“, и всяческихъ „фактовъ и событий“, основанныхъ на ощущеніяхъ и нашемъ такъ-называемомъ опыте, чьему доказательства находятся въ тѣхъ же естественныхъ наукахъ: физикѣ, астрономіи и проч., на которыхъ Тэнъ ссылался, когда обосновывалъ „подвижныхъ двигателей“ съ ихъ „готовностью **“ тяготѣть и падать на землю и т. п.

*) Такъ, наприм., Тэнъ можетъ всегда сказать, что „подвижные двигатели“ суть не метафизические атомы материализма, а просто естественно-научный опытный фактъ, или событие. Но такъ какъ при всякомъ фактѣ можно спросить о его факторахъ или условіяхъ, изъ которыхъ онъ возникаетъ, то, конечно, отъ этого вопроса можно отдеѣтиться тѣмъ, что факторами служатъ-де другіе факты, а факторами для этихъ другихъ будутъ служить третіи факты и такимъ образомъ можно вертѣться въ этой «грудѣ фактовъ» до безконечности, но это равняется паденію въ ту бездонную пропасть, которой самое приличное имя: *ничто*.

**) Кстати, когда Тэнъ говоритъ обѣ этихъ «готовностяхъ, тенденціяхъ»,

Итакъ, когда Тэнъ рядомъ съ ощущенiemъ ставить движение *), какъ реальная начала всего существующаго, то относительно первого принципа онъ является *сенсуалистомъ*, а относительно второго *матеріалистомъ* **).

Теперь мнѣ слѣдуетъ указать на третій *инпредіентъ* философіи Тэна, происходящій отъ его впаденія, кромѣ матеріалистической, въ другую метафизику, которой (хотя вслѣдствіе ея неопредѣленности и трудно дать ей точное название) всего болѣе приличествуетъ имя *раціонализма* (или, пожалуй, идеализма) ***). Мотивами впаденія Тэна въ эту метафизическую были, съ одной стороны, еще таившіеся въ немъ отголоски его увлечений въ молодости Спинозою и Гегелемъ, а съ другой—потребность соединить въ одно цѣлое несогласимыя основныя начала сенсуализма и матеріализма: ощущеніе и движение.

Въ этой метафизикѣ корни *идеи необходимости*, которою, по мнѣнію Тэна, должны быть связаны всѣ даннныя опыта и

то не суть ли это *entit s*, вродѣ «военного духа» Конта? Нельзя не замѣтить также, что Тэнъ не рѣдко употребляетъ слово: природа, тоже въ качествѣ *entit t*.

*) Здѣсь надобно замѣтить, что движение вовсе не дано въ непосредственномъ сознаніи. Когда же Тэнъ думаетъ, что будто бы въ мускульномъ чувствѣ лежитъ источникъ идеи движения, то онъ просто заблуждается, ибо мускульное чувство, вообще весьма *неспредѣленное и неясное*, вовсе не заключаетъ въ себѣ идеи движения, которую мы можемъ соединить съ нимъ только тогда, когда она у насъ уже образовалась на почвѣ идей—времени, пространства и ощущеній: осязательныхъ и зрительныхъ.

**) Что касается до отношеній Тэна къ двумъ остальнымъ принципамъ естествознанія: времени и пространству, то онъ вполнѣ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи за англійскою психологіей. Время понимается какъ идея продолжительности смѣняющихся состояній нашего сознанія; пространство—какъ одновременность нашихъ ощущеній: мускульныхъ, осязательныхъ, зрительныхъ и, значитъ, въ основѣ своей имѣть идею времени («время есть отецъ пространства»). Однако эти сенсуалистическая возврѣнія нисколько не мѣшаютъ Тэну относиться къ этимъ началамъ такъ же, какъ относится къ нимъ и научный матеріализмъ, т. е. какъ будто бы они и въ самомъ дѣлѣ существуютъ реально. Конечно, это необходимо для того, чтобы сохранить возможность для «подвижныхъ двигателей» колебаться и сотрясаться, «а для молекулъ и клѣточекъ мозга вытанцовывать свои фигуры».

***) Вліяніе этой метафизики сказалось особенно въ III главѣ 4-ї книги II тома трактата: «О ю мѣ».

тѣмъ освобождены отъ власти случайности, господствующей въ англійскомъ позитивизмѣ (наприм., у Милля). Изъ нея же исходитъ убѣжденіе или, точнѣе сказать, вѣрованіе Тэнна, что для всякаго факта или *события*, для всякаго закона не только въ извѣстной намъ вселенной, но даже и въ неизвѣстной—не только теперь, но можетъ-быть и навсегда имѣющей оставаться для насть неизвѣстною—должно быть послѣднее „*объяснительное основаніе (raison explicative)*“ или причина. Поэтому мы не должны оставлять ни одного факта безъ изслѣдованія и предположенія соотвѣтствующаго ему закона, изъ котораго онъ истекаетъ, какъ слѣдствіе изъ причины; и это требованіе нисколько не теряетъ своей силы оттого, что тѣ или другіе факты или законы для насть необъяснимы, ибо еще не найдены причины, отъ которыхъ они зависятъ и, можетъ-быть, даже никогда не будутъ найдены. Конечно, эти первыя *всеобъясняющія* причины суть, по Тэнну, не субстанціи или силы метафизиковъ *), а тоже факты или *события* (тенденціи), но только первичные и подчиненные первому или *всеобъемлющему* закону, по отношенію къ которому всѣ прочіе законы, и извѣстные намъ, и неизвѣстные, суть только его слѣдствія. Точно также, хотя законы и не стоятъ вѣкъ фактовъ, но все-таки суть нѣчто находящееся въ нихъ и однако въ то же время порождающее

*) Въ этомъ отношеніи Тэнъ несомнѣнно и притомъ *двоажды* заблуждается, потому что, если есть какая-либо необходимая и всеобнимающая связь въ мірѣ объективномъ, то она зависитъ только отъ существованія и взаимодѣйствія въ единой міровой системѣ существъ или субстанцій, имѣющихъ общее происхожденіе, которымъ обусловливается возможность для всѣхъ ихъ дѣятельностей и отдѣльныхъ актовъ (но не фактовъ или *событий* самихъ по себѣ) быть координированными въ единую міровую систему. Что же касается до идеи субъективной необходимости, наприм., господствующей въ области логики или математики, то она имѣеть свое основаніе только въ томъ, что люди, какъ мыслящія существа, суть субстанціи, сознавающія себя таковыми и болѣе или менѣе ясно понимающіе (знающіе) координацію всѣхъ своихъ функций и актовъ въ единствѣ своей субстанціи. Не будь люди субстанціями, у нихъ не было бы никакого подозрѣнія о какой-либо необходимости или необходиомой связи чего бы то ни было. У нихъ не было бы ни логики съ ея законами противорѣчія и достаточного основанія, ни математики съ ея аксиомами, ни другихъ наукъ съ ихъ законами.

ихъ. Или, иначе говоря, они суть какъ бы первоначальныя, основныя качества бытія *) вѣщей, которыя, по Тэну, могутъ быть найдены въ содергании безконечно сложныхъ фактовъ или вѣщей путемъ логической *абстракціи* **).

Наконецъ, подъ вліяніемъ той же метафизики, Тэнъ соединяетъ принципы ощущенія и движенія. Различая два разряда фактovъ: физическихъ и нравственныхъ, онъ сводитъ одни къ „*идею молекулярнаю движению въ клѣточкахъ и фибрaxъ нервныхъ центровъ, другie—къ идею ощущеній*“ ***). Первые познаются внѣшнимъ путемъ, вторые—внутреннимъ или путемъ *прямого* (т.-е. точнѣе бы сказать—непосредственнаго) *сознанія*. При этомъ Тэнъ считаетъ ощущенія реальными событиями, а молекулярное движение только значкомъ, символомъ первыхъ ****). Две идеи: движенія и ощущенія, равно

*) Кстати не могу не замѣтить, что Тэнъ въ самомъ концѣ своего трактата «Объ умѣ» обмолвился, по моему, совершенно ложнымъ положеніемъ, что будто бытіе есть самое общее свойство вѣщей. Ложность этого мнѣнія достаточно указана еще Кантомъ въ его опроверженіи онтологического доказательства бытія Божія. См. объ этомъ предметѣ въ разныхъ мѣстахъ «Своего Слова».

**) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни времени, ни мѣста для указанія на основной недостатокъ до сихъ поръ еще господствующій въ логикѣ, а также и въ раздѣляемой Тѣномъ теоріи абстракціи. Во всякомъ случаѣ онъ описывается, думая, что путемъ абстракціи мы можемъ найти первичные факты или законы и основныя качества вѣщей, вообще понятіе бытія. Приписывая же абстракціи какую-то творческую силу, онъ идетъ по стѣдамъ Гегеля, который тоже думалъ, что путемъ абстракціи отъ всего индивидуальнаго, т.-е. отъ дѣйствительно-реальнаго, можно создать цѣлую систему бытія, состоящую изъ понятій, которыя Гегель считалъ единственою реальностью. Благодаря этой ложной теоріи, Гегель и открылъ, что «ничто равняется бытію».

***) Одинъ уже этотъ терминъ: «нравственныхъ», вмѣсто настоящаго, который слѣдовало бы ему употребить, т.-е. духовныхъ, вноситъ нѣкоторую темноту въ его изложеніе. См. тамъ же томъ I, кн. IV, гл. 1-я и особенно 2-я и 3-я.

****) Какимъ же образомъ возможно, спрошу я, чтобы движение «подвижныхъ двигателей» (которое, какъ мы видѣли, по свидѣтельству естествовѣдѣнія, существовало задолго прежде появленія ощущающихъ существъ) было чѣмъ-то вторичнымъ, т.-е. только значкомъ ощущеній, появившихся послѣ? Не вѣрнѣ ли въ такомъ случаѣ будуть чисто-материалистическая теорія, по которымъ все, что происходитъ въ живыхъ существахъ, есть не реальное событие, а какая то призрачная *фосфоресценція* мозга, или какъ какой-то излишний *оптифеноменъ*?

какъ и соотвѣтствующія имъ *два* пути познанія, Тэнъ признаетъ не сводимыми другъ на друга и притомъ, впадая въ противорѣчіе съ собою, утверждаетъ, что и то, и другое можетъ быть однимъ и тѣмъ же *).

Указанное сейчасъ впаденіе Тэна въ двоякую метафизику подтверждаетъ высказанное мною въ вышеупомянутой статьѣ „О Контѣ“ мнѣніе о противопоставленности и коренной несостоятельности философскаго позитивизма. Отсюда истекаетъ самое обычное въ немъ явленіе—переходъ въ материализмъ и все большее и большее поглощеніе послѣднимъ первого. Какъ бы осторегаясь этой опасности, Тэнъ пытается подкрасить **), при мнимой помощи абстракціи, рационализмъ Гегеля и Спинозы подъ цвѣтъ и на манеръ позитивизма, и ввести его въ свою систему и тѣмъ, съ одной стороны, искажаетъ оригиналъный спинозизмъ и гегеліанство, а съ другой—не только не поправляетъ англійскаго сенсуализма и феноменизма, но лишаетъ его оригинального букета, т.-е. его относительной логичности и послѣдовательности и, несмотря на свой большой талантъ и діалектическую изворотливость ***), дѣлаетъ изъ цѣлой своей системы нѣчто запутанное и неизбѣжно расползающееся врознь.

Но еслибы мы умственно выдѣлили изъ сенсуалической системы Тэна не только рационалистическую, но и материалистическую метафизику, то осталось бы лишь нѣчто, которое, въ концѣ концовъ, почти сводилось бы къ ничто ****).

*) Противорѣчіе въ томъ, что не сводимое другъ на друга есть одно и то же. Очевидно, что въ этомъ пунктѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ на Тэна спинозизма. Однако у Спинозы два аттрибута съ ихъ модусами, тоже не сводимые другъ на друга, все таки соединены, хотя и не очень убѣдительно, въ единствѣ Бога, какъ субстанціи. Утвержденіе же Тэна вполнѣ голословно и произвольно. (Сущность дѣла въ томъ, что ощущеніе и движеніе вовсе не есть нѣчто разное и не сводимое другъ на друга, а просто и прямо одно и то же, и если кажущееся разнымъ, то только отъ неясности нашего мышленія.)

**) Опозитивистъ, подобно Конту.

***) Съ особыннымъ блескомъ и даже воодушевленіемъ написана у Тэна послѣдняя III-я глава 2-го тома: «Объ объяснительномъ основаніи вещей (La raison explicative des choses)».

****) Вспомнивши старую реторику съ ея ученіемъ объ «общихъ мѣстахъ», мы могли бы это болѣе послѣдовательное позитивистическое нѣчто или ничто

Затѣмъ, что касается общественныхъ и историческихъ теорій Тэна, то, за недостаткомъ времени и мѣста, я не коснусь ихъ вовсе; замѣчу только, что хотя, по общему направлению, его философія исторіи и представляетъ нѣчто родственное съ соціологіей Конта, но, тѣмъ не менѣе, по точности со стороны фактической, по основательности и художественности изложенія и, наконецъ, по введенію Тэномъ въ число другихъ историческихъ факторовъ—расы, цѣнность общественныхъ и историческихъ его теорій несравненно превышаетъ цѣнность таковыхъ же Конта.

Поланъ, какъ послѣдователь Тэна. По собственному заявлению Полана, онъ идетъ по стопамъ Юма и Тэна, которыхъ считаетъ „феноменистами самой чистой воды“; онъ извѣстенъ мнѣ какъ по многимъ отдѣльнымъ статьямъ его въ „*Revue philosophique*“, такъ и по болѣе цѣльному, хотя и небольшому, систематическому сочиненію, представляющему курсъ эмпірической психологіи подъ именемъ: „*Physiologie de l'esprit, 1880*“ *). „Физіология ума“ или „физіология духа“, или „фізіологическая психологія“, суть въ настоящее время довольно распространенные названія, замѣняющія у позитивистовъ старое имя психології **). „Физіо-

представить въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ: Quis? Явленія (факты и события)! Quid? Явленія (факты и события)! Ubi? Въ явленіяхъ (фактахъ и событияхъ)! Quibus auxiliis? При помощи явленій (фактовъ и событий)! Cui? Потому что явленія (факты и события)? Quomodo? Путемъ явленій (фактовъ и событий)! Quando? Когда явленія (факты и события)...

*) Изъ множества статей его въ R. Ph. я назову нѣкоторыя важнѣйшія: томъ II 1877 г. «Le sens commun, essai d'explication physiologique». (Въ этой статьѣ трактуется съ физіологической точки зрењія о происхожденіи здраваго смысла и различныхъ способахъ его обнаруженія, развитія и пертурбаций въ немъ.) II томъ 1878 г. «La theorie de l'inconnaissable» (Критика теоріи Спенсера). II т. 1880 г.: «La personnalit » (статья, направленная противъ спиритуализма, представляетъ отрицаніе духовной субстанціи). II томъ 1884 г.: «Croyance et volont » (статья объ отношеніи между волей и увѣренностью). I т. 1889 г. «L'abstraction et les id es abstraites» (разматриваются различные степени абстракціи на основаніи общепринятой теоріи) и другія.

**) Обыкновенно эти сочиненія говорятъ о своей научности и о благочестивомъ намѣреніи не вдаваться въ метафизические вопросы о душѣ, а заниматься только одними фактами или явленіями и обобщеніемъ ихъ въ законы. Но на дѣлѣ всегда въ нихъ (также и у Полана) метафизические вопросы о

логія духа“ Полана представляєтъ сжатый, систематический сводъ положеній, основанныхъ на трудахъ Бэна, Спенсера, Тэна, Маудсли, Вундта и проч. Несмотря на малый объемъ книги, Поланъ сообщаетъ все существенное о психическихъ явленіяхъ съ точки зре́нія эмпирической психології.

Чтобы дать читателю хоть краткое понятіе о Поланѣ, какъ феноменистѣ и послѣдователѣ Тэна, я скажу нѣсколько словъ объ его полемикѣ противъ субстанціальности нашего „я“ по вышеуказанной статьѣ: „La personnalit “. Для понятія „я“, утверждаетъ онъ, вовсе не нужна субстанція; предположеніемъ субстанціи оно нисколько не объясняется. Единство сознанія, изъ котораго выводятъ субстанціальность духа, есть, съ объективной *) точки зре́нія, результатъ сложенія. Изъ того, что нѣчто, разсуждаетъ Поланъ, субъективно кажется единымъ (наприм. воображаемый образъ кучи камней), вовсе не слѣдуетъ, что и объективно этотъ представляемый образъ есть единство. Идея единаго „я“ образуется изъ ряда внутреннихъ воспріятій точно такъ же, какъ идея одного дома, или статуи изъ ряда, изъ множества виѣшнихъ воспріятій **). „Я“, какъ вециъ, составляющая группу феноменовъ, точно такъ же различно отъ идеи „я“, какъ и домъ, вециъ, составляющая группу чувственныхъ феноменовъ, различна отъ идеи дома ***). „Я“, какъ предметъ по-

---

душѣ уже предрѣшены въ сторону матеріализма тѣмъ, что психическая явленія поставлены въ зависимость отъ тѣла и особенно отъ нервной системы и мозга.

*) Къ сожалѣнію, термины: объективный, субъективный и ихъ производные, употребляются неопределенно и не односмысленно. Такъ и здѣсь, если «объективный» значить: данный въ чувственномъ опыте, то полемика противъ субстанціальности «я» есть просто ignoratio elenchi, потому что признающіе «я» какъ субстанцію понимаютъ его не подлежащимъ такъ называемому чувственному опыту (т.-е. считаютъ его не видимымъ, не слышимымъ и т. п.), т.-е. недоступнымъ объективной точкѣ зре́нія.

**) Да, вѣдь, воспріятія потому и раздѣляются на внутреннія и виѣшнія, что одни, по предположенію, происходятъ при посредствѣ чувствъ, а другія совсѣмъ иначе—путемъ прямого сознанія, всегда единичного не только у человѣка, но даже у животнаго. Поэтому и нельзѧ отождествлять одни воспріятія съ другими и дѣлать заключенія отъ однихъ къ другимъ.

***) Поланъ забылъ, что, вѣдь, домъ, какъ группа чувственныхъ феноменовъ, есть, по Тэну, галлюцинація.

знанія, есть такої же фактъ сознанія *), какъ и другіе факты, т.-е. одинъ изъ феноменовъ между другими феноменами сознанія. Но, скажутъ, разсуждаетъ далѣе Поланъ, субстанція необходима потому, что нужно же, чтобы кто-нибудь *сравнилъ*, *отличилъ* эти феномены другъ отъ друга и тѣмъ позналъ ихъ **). Поланъ признаетъ законность этого вопроса и не допускаеть, чтобы одно ощущеніе *имъюло сознаніе* о другомъ. Но онъ разрѣшаетъ вопросъ тѣмъ, что два или многія ощущенія „соединены и сравнены въ одномъ или многихъ послѣдующихъ фактахъ сознанія“, подобно тому, какъ водородъ и кислородъ соединяются въ водѣ.

Здѣсь Поланъ не задумываясь говоритъ о фактахъ сравне-
нія, объединенія, различенія и т. п., которые не имѣютъ никакого смысла, если существуютъ только одни факты, а не существуетъ того, для кою эти факты; или, иначе говоря, феноменъ можетъ имѣть смыслъ только относительно бытія самого въ себѣ. Значитъ, кромъ феноменовъ существуетъ знающій, различающій, объединяющій, отождествляющій и проч., который уже не феноменъ, а носитель феноменовъ, совершающій акты ихъ познанія. Но если и этотъ знающій есть тоже феноменъ, то выходитъ, что одинъ феноменъ знаетъ о другомъ, одно ощущеніе сознаетъ другое, что отвергается и самимъ Поланомъ. Наконецъ, какъ понять выражение: „два ощущенія (факта) сравнены въ послѣдующемъ фактѣ“, безъ предположенія, во-первыхъ, акта сравненія, различного отъ сравниваемыхъ фактовъ, и далѣе безъ предположенія того, кому понятно, что значитъ: „сравнены“ (вспомнимъ о „мы“ Тэна)? Спрашивается, сами ли феномены сравниваются и соединяются себя и, далѣе, для феномена ли они „сравнены“? Наконецъ, въ чёмъ собственно состоитъ существенное различіе, на которомъ

---

*) Очевидно, что Поланъ, какъ Тэнъ и другіе позитивисты, вполнѣ смѣшиваетъ понятія: знаніе и сознаніе.

**) Кстати, любопытно бы было, какъ Поланъ опредѣлилъ бы, что значитъ сознать и познать, или что такое познаніе и сознаніе, и далѣе, какъ возможно и что значитъ: познать и сознать феномены.

настаивает Поланъ, между вещами (въ числѣ которыхъ и „я“) и идеями о нихъ, если вещи, и ихъ элементы, и ихъ идеи—все это суть только феномены? *)

Далѣе Поланъ приводитъ различные патологическіе случаи, свидѣтельствующіе о нарушеніи непрерывности и единства личности **), конечно, съ цѣлью нанести этимъ тяжкій и рѣшительный ударъ субстанціальности нашего „я“.

Въ заключеніе всего здѣсь сказаннаго о Поланѣ я позволю себѣ выразить его отношеніе къ Тэну извѣстной русской пословицей: „тѣхъ же шей, да пожиже влей“.

Рибо, какъ пропагандистъ позитивизма во Франціи. Рибо, по смерти Тэна, есть, конечно, самый выдающійся представитель и пропагандистъ этого направленія во Франціи. Мнѣ кажется, что въ немъ можно отмѣтить тонкую черту, отличающую его отъ Конта, Тэна и другихъ позитивистовъ, состоящую въ томъ, что онъ какъ бы безличнѣе и объективнѣе относится къ позитивизму, который

*) Надѣюсь, читатель видитъ, что и Поланъ, подобно Конту, Тэну и всѣмъ позитивистамъ, не давая *точнаю и строюю опредѣленія* терминамъ: феномень, фактъ и т. под., козыряетъ ими всюду безъ зазѣнія совѣсти, только бы убить непрѣятную для него субстанцію, носящую имя: «я».

**) Возможно, что кто-либо изъ читателей моей статьи подумаетъ: «да что же авторъ, что называется, и ухомъ не ведеть, когда и Тэнъ, и Поланъ, и Бинэ, и проч., и проч., на основаніи гипнотическихъ и другихъ экспериментовъ, доказываютъ, что личность измѣняется, раздвоится, растроится и т. п.? Какъ же можетъ авторъ, несмотря на это, продолжать защиту нашего „я“, какъ субстанцій?» На это замѣчаніе отвѣчу: совершенно вѣрно, что я, считая факты, о которыхъ говорятъ Тэнъ, Поланъ, Бинэ и т. п., вѣрными, въ то же время думаю, что они нисколько не касаются до *тождества и неизмѣнности* субстанціи. Дѣло въ томъ, что понятіе личности и понятіе субстанціи совершенно различны и что отъ измѣненія личности къ измѣненію и, далѣе, къ нереальности субстанціи, заключать нельзѧ. Предметъ этой весьма интересенъ; и я какъ-либо въ другое время и на другомъ мѣстѣ выскажу обстоятельно свое мнѣніе о различіи понятій: личность и субстанція, а теперь для смысливающихъ ихъ укажу кратко на 2 примѣра: 1) О бытіи и субстанціальности матеріи люди спорятъ: одни запищаютъ, а другие отрицаютъ и то, и другое, но никто изъ признающихъ матерію за субстанцію не думаетъ о томъ, что она есть личность. 2) Тѣ, которые признаютъ субстанціальность новорожденнаго ребенка, котенка и т. п., ни подъ какимъ видомъ не будутъ утверждать, что они суть личности.

у него болѣе, чѣмъ у другихъ, понимается въ смыслѣ *просто философской науки* вообще. У него можно ясно отмѣтить тенденцію слить воедино различныя формы этого направлениія у различныхъ его представителей такъ, чтобы, подобно тому, какъ въ математикѣ, физикѣ и другихъ естественныхъ наукахъ, личности отдѣльныхъ представителей исчезали въ содержаніи науки и чтобы такимъ образомъ позитивистическая философія потеряла особенности не только отдѣльныхъ мыслителей, но даже особаго направлениія. Съ такою тенденціей онъ относится даже и къ национальнымъ особенностямъ представителей позитивизма; поэтому онъ не только сглаживаетъ, напр., различіе между Тэномъ и англійскими позитивистами, но даже и различіе между французскими, англійскими и нѣмецкими представителями позитивистического направлениія. Онъ не прочно належашимъ образомъ оцѣнить и воспользоваться для установки *общенаучной философії* даже и тѣми материалами, которые можетъ съ пользою для себя взять у несомнѣнныхъ метафизиковъ и спиритуалистовъ и соединить съ данными эмпірико-позитивистического направлениія *). Изъ разновидностей позитивизма, указанныхъ въ статьѣ о Конгѣ (стр. 55), позитивизмъ Рибо по преимуществу можно назвать *эмпіризмомъ*.

Всѣ сочиненія Рибо, по моему, можно раздѣлить на *две* категоріи: въ однихъ онъ является пропагандистомъ въ сей-часъ указанномъ смыслѣ, посредникомъ между разными представителями одного и того же философскаго направлениія; въ другихъ же онъ является просто ученымъ, специалистомъ психологомъ, изучающимъ тотъ или другой специальный вопросъ въ своей наукѣ.

Къ первой категоріи принадлежать два большія сочиненія: „La psychologie anglaise contemporaine“ и „La psychologie allemande contemporaine“, которыя переведены съ французскаго на другіе языки, и множество неболь-

*) Что особенно можно усмотреть изъ его сочиненія: «О современной германской психології».

шихъ критическихъ статей, разсѣянныхъ въ «*Revue Philosophique*» о разныхъ представителяхъ психологіи, каковы, напр., Тэнъ, Брентано и друг. Вторую категорію составляютъ цѣлые сочиненія, изданныя отдельно или помѣщенные въ качествѣ журнальныхъ статей въ той же „*Revue Philosophique*“, каковы, напр., „*L'hérité*, *) Paris, 1873; „*La psychologie de l'attention*“ 1879; „*La philosophie de Schopenhauer*“ 1874; „*Les maladies de la mémoire*“, 1881; „*Les maladies de la volonté*“, 1883; „*Les maladies de la personnalité*“, 1885 и проч. **). Всѣ сочиненія Рибо обѣихъ группъ, большею частью пережившія нѣсколько изданій, конечно, обнаруживаютъ общія свойства позитивизма, т.-е. отрицаніе субстанції, признаніе предмета философіи въ фактахъ и явленіяхъ, но за исключеніемъ этой „основной лжи“ позитивизма во всемъ прочемъ сочиненія эти можно называть безукоризненными. Факты обстоятельно собраны, мысль выражена ясно и талантливо, источники благонадежны и т. под. Словомъ, изъ метафизическихъ представителей французской философіи, по энергіи дѣятельности, на-ряду съ Рибо можно поставить развѣ только одного почтенного старца—Поля Жанэ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о томъ, что миссія Рибо, какъ пропагандиста и посредника между различными представителями позитивизма, чрезвычайно способствуетъ то обстоятельство, что онъ стоитъ во главѣ прекраснаго журнала: „*Revue Philosophique*“, съ самаго начала его основанія въ 1876 году. Хотя въ этомъ журналѣ и преобладаетъ позитивистическое направление, но однако и всѣ другія пользуются самымъ широкимъ гостепріимствомъ. При полномъ безпристрастіи издали и редакторъ не исключаютъ никакого направления, требуя безразлично отъ всякаго автора только *серъезности, искренности и умѣренности* въ тонѣ

---

*) Это сочиненіе, кажется, вышло уже 3-мъ изданіемъ. Оно имѣетъ въ виду специальную психическую наслѣдственность.

**) Къ этому нужно присоединить еще переводъ психологіи Спенсера, слѣдленный Рибо въ сотрудничествѣ съ Эспинасомъ

изложениј и полемикѣ. Такимъ образомъ въ „*Revue Philosophique*“ мы найдемъ не мало статей такихъ философовъ, которыхъ метафизическое направленије стоитъ въ сомнѣнія, каковы, напр., Поль Жанэ, Фонсегривъ, Жюль Лашелье и друг. Кромѣ того журналъ, редактируемый Рибо, не мало способствовалъ полному и обстоятельному ознакомленію французовъ съ философией ихъ германскихъ со-сѣдей. Кромѣ французовъ разныхъ направлений, въ журналѣ, въ качествѣ сотрудниковъ, встречаются имена и нѣмцевъ: напр., Гартмана, Лотце, Горвича и др., англичанъ: Льюиса, Спенсера и проч., итальянцевъ (Мантегацца) и даже русскихъ: напр. статьи г. де Роберти, проф. Грота и др.

Этимъ мы и завершимъ характеристику наиболѣе чистаго позитивизма и перейдемъ къ обзорѣнію полу-позитивизма въ лицѣ Фуллье, Гюйо и Тарда.

А. Козловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)
